

На последнее свидание

«Сынок! Ты на работе неплохо получаешь. У тебя сейчас отпуск, свозил бы меня в Вятку». Я давно знал об этой затаенной мечте матери и сразу же согласился. Тем более, что я обещал своему другу, переехавшему жить на Украину, навестить его. «Сразу убью двух зайцев, – подумал я, – и матери приятное сделаю, и дружку ужогу, привожу его в армию».

Поезд «Владивосток – Москва» мчался по апрельским просторам на запад. Я с верхней полки наблюдал за тем, что творится внизу. А внизу киношники, возвращавшиеся со съемок «Горячего снега», за бутылкой водки обсуждали свои дела. Они вспоминали суровую сибирскую зиму и жалели лошадей, привезенных из России на съемки и помороженных в сугробах.

Мать, сидя у окна, прислушивалась к разговорам попутчиков и вспоминала о своей Карьке, которая была у них еще до коллективизации. Отец сгинул на империалистической, и хозяйством заправлял брат Алеша. Первым помощником у него была лошадь Карька. Конечно, и они, три девочки, не сидели, сложа руки дома. В деревне всем дел хватает.

Но в 30-е годы, когда на востоке стали разворачиваться гигантские стройки Кузбасса и Магнитки, не усидели в деревушке и двинули навстречу солнцу за «женихами».

– О чем хоть кино-то? – спросила мать усатого конюха.

– О войне, мать, о битве под Сталинградом.

Война... Нет, не по кино она знает о ней. Досталось всем в эту войну. Муж сутками пропадал на стройке Чкаловского завода. У него было большое сердце, и на фронт он не попал. А вот братья его, те сгинули, кто под Смоленском, кто под Воронежем. А сама она, чтобы прокормить голодных ребятишек, с саночками уходила по завьюженным дорогам в близлежащие села. Там она старалась выменять на хлеб немудрящую одежку.

Жили в землянке, но после войны купили дом на тихой улочке у Ельцовки. К тому времени мать в Вятке осталась одна. Стала звать она старушку к себе. Та согласилась и продала дом. Но не суждено было им свидеться. Лихие люди подушкой задушили старушку, чтобы завладеть деньгами. И пришлось ей самой ехать на похороны с мальчонкой, что лежит сейчас на верхней полке. Дело было в Троицу, праздник, который она любила за цветущие луга и свежесть воздуха в начале лета. Еще она любила густые ельники тех мест, где прошли ее детство и юность. Самая прекрасная пора, считай уже прожитой жизни. Сквозь дрему под стук колес ей чудился наигрыш тальянки на сельских вечеринках.

А за окном проносился ночной Урал.

Поезд на станции тормозил на минуту, и мы еле успели спрыгнуть. На стареньком автобусе добрались до села Черновского. В центре его, на берегу реки, стояла полуразрушенная церковь. Запустением веяло от оскверненного храма. Вороны да галки каркая, носились в проемах дверей и окон, взлетая и над облезлым куполом, вознесшимся к голубым небесам.

До материной деревни километров пять, и мы пошли пешком. Полевая дорога вилась по-над Ветлугой и была грязной от весенней распутицы. Я видел, что матери трудно идти, и предложил передохнуть на валившей у дороги коряге. Мы присели, и тут я увидел догонявшую нас лошадиную упряжку.

Девушка с вожжами, в синем платке и старенькой телогрейке остановила свою телегу с молочными флягами и предложила нам сесть.

«Фляги-то не мешают? — поинтересовалась она. — Я ведь молоко собираю по деревням. А деревни-то — два-три двора, и в тех одни старики живут. Молодежь-то разъехалась». — «А ты что осталась?» — спросилась мать. — «Куда я от бабушки, да и кто нас в городе ждёт? А здесь я вольная птаха, как вон та, что заливаётся на кустах».

Я улыбнулся, услышав ее вятский говор. И она улыбнулась. «А вы к кому?» — «В Рысино мы, к Долгих Петру Афанасьевичу», — «К Долгих? Он с Марией живет. Вот обрадуются гостям». А через пять минут она указала кнутовищем: «Вот оно, ваше Рысино».

Утром я уехал в Москву. Оставив мать погостить. А она стала собираться на кладбище, которое находилось на бугре, за речушкой. Речушка взбухла от талых вод, и не было никакой возможности ее перейти. Мать, стояла на берегу, слезящимися глазами искала между искривившихся черных крестов знакомый, но так и не нашла. Все были одинаковыми. Тогда она поклонилась погосту и, перекрестившись, прошептала: «В последний раз я приехала к тебе, мама. Прости, что не дошла до твоей могилы. Но скоро мы будем вместе, мама».

Моё урочище

Ночью прошел дождь, и утро выдалось на редкость туманным. Сойдя на свертке к Травянке, я проводил глазами растаявший в молочной пелене автобус и пошёл вниз по бетонке. Из густого тумана навстречу мне выплыло несколько кирпичных особняков. Во дворе одного из них я заметил хозяина. И, подойдя к калитке, обратился к нему:

— Не подскажите, есть ли дорога в направлении Петушихи?

Он с любопытством посмотрел на меня и махнул рукой в сторону крайнего дома:

— Возле речки дорога. Только деревни твоей давно уже нет в помине.

— Я знаю об этом, просто мне захотелось взглянуть на места, где прошло моё детство.

— Чей будешь-то?

Я назвал. Родители мои, оказыва-

ются, были ему знакомы. И это меня обрадовало. Пока я с ним разговаривал, на крыльцо дома вышла немолодая женщина с пустыми ведрами.

— Пойду коров подою, — сказала она мужу, мимолетно окинув меня взглядом.

— Давно пора, Катюша, — кивнул сугруг. А я, попрощавшись с ним, двинулся дальше.

Поднявшийся ветерок принялся рвать в ключья белесый туман. Справа под сенью берез я заметил старое кладбище с перекошенными крестами. «Крестик в квадратике» — вот и все, что остались от прежних деревень на современной карте района. Да еще названия урочищ, которые некогда были населенными пунктами. До моего урочища, к которому я стремился, было вёрст десять.

А сколько их пройдено в детские годы! В деревне была только начальная школа, и ребятишкам постарше приходилось жить в квартирах, усадь в «восьмилетке» на центральной усадьбе колхоза. На выходные нас всех неудержимо влекло домой. Причем независимо от погоды.

В один из памятных зимних дней мне с одноклассницей Катюшкой Ганиной сначала здорово повезло. До Травянки мы доехали с другими ребятами на санях, которые тащил трактор. Но за этим вот кладбищем дороги не оказалось — её просто перемешало поземкой. Нам со сверстницей ничего не осталось, кроме как ползти по снежной целине. Проваливаясь по пояс в сугробы, я шёл впереди, а за мной, выбиваясь из сил, упрямо лезла Катюша.

В сосновом бору было потише, стылый ветер уже не так кусал щеки. Обессилившие, мы валились на санный след и подолгу отдыхали. Присели в очередной раз. Сумерки убаюкивали. Сколько я продремал — неизвестно, и вдруг что-то кольнуло в сердце. С трудом разлепив ресницы, я заметил вдали под горой огоньки. Ведь там наша деревня! И Катин дом, и мой... А в доме — русская печка, ласковые руки матери. Кое-как поднявшись, я растормошил дремавшую Катюшу, у которой от инея побелела выбившаяся из-под платка прядка черных волос. «Вставай, Катюшка, пошли, а то замёрзнем. Видишь огонь?» — «Где?» Она повела сонными глазами в ту сторону, куда я указывал vareжкой. Собрав последние силёнки, еле передвигая ногами, мы побрели вниз, к селу.

...Давно уже нет села, а есть поросшая травой пустая поляна, на которой я так и не нашел того места, где стоял на окраине мой дом. Даже не было гжучей крапивы, обыкновенно растущей на заброшенных усадьбах. Из березняка, некогда молодой поросли, показалось стадо телят. Пастух на коне направлялся к крошечному пруду.

Заметив меня, он не спеша подвехал и поинтересовался, откуда взялся я в этой глухомани. Разговорились.

— Так, значит, ты шел через Травянку, видел, как наши фермеры там живут?

— Видел три дома. А в том, который средний, даже с хозяином побеседовал.

— Невысокий такой мужичонка? Так его жена здешняя, твоя землячка. Катя Ганина.

Я оторопел. Неужели... та самая женщина с ведрами?

Время сравняло с землей и унесло в небытие нашу деревню, превратив ее просто в урочище. Но над памятью нашей оно всё же не властно...

Урок черемухой душистой

«У тебя клюет, Борька! Тяни же... твою мать», – и дальше по голым прибрежным кустам и мутной, разбухшей речушке понесся такой мат, что рыбачивший чуть выше по течению Владимир Михайлович только поморщился. Он не ожидал от своих шестиклассников, которых сразу же узнал по голосам, такой похабщины. Уже второй год он преподавал им русский язык и литературу и считал, что уроки его, скрашенные добрым юмором и иронией, нравятся ребятишкам. Прививая любовь к Пушкину и Некрасову, Гоголю и Толстому, учитель Низковских всё же требовал от них уважительного отношения к классикам. Задумавшись, Владимир Михайлович не заметил, как поплавок его удочки затянуло под корягу. Резко дернув за удилице, он оборвал леску и, поскользнувшись на глинистом берегу, шлепнулся на спину, матюгнувшись при этом. А в это время из-за кустов донесся возбужденный голос Бориска: «Жорка, у меня б... такой чебак сорвался». Поднимаясь, Владимир Михайлович устыдился своих сорвавшихся слов. Ну ладно, они еще пацаны. В их жилах

сейчас бурлит молодость и азарт. Но ему то, взрослому человеку, негоже опускаться до уровня пацанов.

Солнце уже скатилось к закату и от воды потянуло сыростью и прохладой. Владимир Михайлович сорвал рыбацкие принадлежности и покинул речушку. Засобирались домой и Жорка с Бориской. Они неохотно уходили со своих насиженных мест. Где еще так весело и вольготно проведешь свободное время и, главное, без посторонних глаз и ушей? А ведь скоро им предстоит разежаться на все лето по своим деревням из надоевшего интерната.

У непросохшей, грязной дороги белым облаком плыли кусты цветущей черемухи. Подпрыгнув, Жорка подтянул к себе нижнюю ветвь ближайшего куста. Наломав охапку душистых кистей, он протянул их Бориске: «Своей Вальке подаришь, сэр!». Заячья губенка у щупленького Бориски расплылась от удовольствия. Обсуждая достоинства знакомых девчонок, приятели незаметно дошли до села и приблизились к дому учителя. А тут, словно из под земли, возник и сам хозяин, перегордив им дорогу своей плотной фигурой. Протянув руку к Борискиному букету, он попросил: «Дай-ка сюда». Бориска, улыбаясь, передал черемуху. Низковских понюхал цветы и неожиданно хлестнул кистями по Борькиной щеке. «Это за то, что черемуху ломаете и не бережете природу, а это ...» – он добрался до Жоркиных щёк, – «За то, что материтесь и поганите русский язык». Опешившие мальчишки втянули головы в плечи, как страусы. «И запомните», – продолжая стегать, говорил Низковских, – «Где бы вы ни были, ведите себя достойно». Отобрав у них рыбу, учитель прикинул на руках её вес. Потом вернул им улов и произнёс: «Добрая же уха будет. Ну, бегите домой, да завтра на урок не опаздывайте. Будем писать сочинение на вольную тему» ...